

Гу Хуайцин покачал головой и с лёгкой усмешкой сказал:

— После смерти моей матери меня заперли в маленьком дворике, не позволяя сделать ни шагу за его пределы. Три раза в день еду приносили слуги. Так продолжалось больше двух лет, пока не пришёл императорский указ, и весь род Гу был осуждён. Только тогда меня выпустили. По правде говоря, попасть во дворец для меня было даже благом. Иначе, продолжай я томиться в заточении, я бы либо сошёл с ума, либо превратился в дурака. Жизнь в дворце хоть и была тяжёлой, но постепенно к ней привыкаешь. А после встречи с Его Величеством и вовсе перестал страдать.

Дуань Минчэню невольно вспомнилась та ночь, когда они делили ложе, и странная реакция тела Гу Хуайцина. Ему захотелось спросить, как тому удалось избежать кастрации, но в такой момент подобный вопрос показался неуместным.

К тому же, будь Гу Хуайцин настоящим евнухом или нет, его судьба всё равно вызывала жалость. В детстве он лишился матери, потом весь его род казнили, а сам он стал презренным дворцовым рабом. Пусть Гу Хуайцин и был молод, но пережил столько невзгод, что мало кто мог с ним сравниться. И всё же он не опустил руки, не озлобился на весь мир, что не могло не вызывать уважения.

Дуань Минчэнь взял Гу Хуайцина за руку и с чувством произнёс:

— Если ты не против, отныне я стану твоей семьёй. Я буду любить и оберегать тебя, не дам в обиду!

Он с волнением смотрел на Гу Хуайцина, понимая, что его слова могут показаться излишне смелыми. Пусть у того и не осталось родных, но положение его было высоким, да ещё и милость императора служила защитой — трудно было представить, кто посмеет его обидеть. Однако Дуань Минчэнь не жалел о сказанном, крепко сжимая руку Гу Хуайцина и с надеждой глядя на него своими тёмными глазами.

Гу Хуайцин поднял на него взгляд. Искренность в глазах Дуань Минчэня тронула его. С детства его отвергла семья, а после казни рода он оказался во дворце, где каждый шаг давался с трудом. Дворцовые интриги были жестокими, приходилось всё просчитывать, не раз оказываясь на волосок от гибели. Лишь ценой невероятных усилий он добился нынешнего положения. В дни немилости им пренебрегали, возвысившись — ему завидовали. Когда кто-нибудь говорил с ним так откровенно, от чистого сердца?

Гу Хуайцин почувствовал, как глаза наливаются жаром, а в груди будто застрял ком. Обычно красноречивый, сейчас он не мог вымолвить ни слова, лишь смущённо кивнул.

Увидев его согласие, Дуань Минчэнь обрадовался так, что, обхватив Гу Хуайцина за талию, поднял в воздух и закружил. Чувство удовлетворения было невыразимым.

Гу Хуайцин, не ожидавший такого, вздрогнул, но затем рассмеялся и обвил руками шею Дуань Минчэня:

— Раз уж стал моим братом, смотри не обижай меня впредь!

Дуань Минчэнь опустил его на землю, погладил мягкие гладкие волосы, а потом не удержался и дотронулся до его порозовевшей щеки:

— Милый братец, да я тебя и так лелеять готов, как же я могу тебя обидеть?

Недоразумения между ними рассеялись, и чувства стали ещё глубже. С этого дня они считали друг друга самыми близкими людьми.

Усевшись рядом на траве, они вернулись к обсуждению дела.

— Как думаешь, кому понадобилось травить Сянъе Сюнфэй? — спросил Гу Хуайцин.

— Уж точно не дунъинцам. Сянъе Сюнфэй — единственный сын дунъинского генерала. Они бы жизнь отдали, чтобы его спасти, а не убить, — ответил Дуань Минчэнь и добавил:

— Кстати, я пригласил переводчика, чтобы расшифровать записку, которую Сянъе Сюнфэй оставил в уборной в тот день.

За последние дни событий накопилось столько, что Гу Хуайцин почти забыл об этом.

— И что же там было написано? — поспешно спросил он.

— Он обращался к своему отцу, генералу Сянъе. Писал, что не убивал принцессу Корё, но его оклеветали. Боится, что кто-то хочет лишить его жизни и сорвать переговоры между Дунъином и Великой Ци. Просит генерала как можно скорее прислать помощь.

— Сянъе Сюнфэй всегда был хитер. Может, он нарочно написал это для нас, чтобы сбить с толку?

Дуань Минчэнь покачал головой:

— Во-первых, он оставлял записку крайне осторожно, явно пытаясь скрыть её от нас и передать дунъинским агентам для отца. Во-вторых, в той гостинице действительно были дунъинские лазутчики. Если бы мы не стояли на смерти, они бы уже его выкрали. Какой смысл ему было лгать в такой ситуации?

— Верно... — в голосе Гу Хуайцина зазвучала растерянность. — Но если убийца не он, тогда кто?

Дуань Минчэнь нахмурился:

— Может, стоит подумать, кому была бы выгодна смерть Сянъе Сюнфэй?

— У этого типа врагов не счесть. Его смерть многие встретили бы с ликованием. Так что по этому признаку вычислить трудно.

— Врагов у него и правда много, но самая сильная ненависть, наверное, у людей Корё. Он почти полностью истребил их королевский род.

— Кстати о Корё, сегодня в городе Цинчжоу я встретил отца с дочерью из Корё, они пели на улицах.

Гу Хуайцин пересказал свой разговор с корейскими певцами. Выслушав, Дуань Минчэнь глубоко задумался.

— Теперь, вспоминая, поведение принцессы Корё кажется странным... — пробормотал Гу Хуайцин, тщательно перебирая в памяти все связанные с делом детали.

Казалось бы, разрозненные мелочи постепенно начали складываться в единую сеть, и туман

перед глазами стал рассеиваться...

Внезапно в голове Гу Хуайцина мелькнула дерзкая догадка. Он резко поднял глаза и встретился взглядом с Дуань Минчэнем. В его взгляде Гу Хуайцин прочитал то же самое понимание — похоже, они снова одновременно пришли к одной мысли...

От Цинчжоу до столицы было около тысячи ли. Дуань Минчэнь и его люди прибавили ходу, двигаясь днём и ночью, и через два дня наконец добрались до столицы.

За время их отсутствия молодому императору Сяо Цзину тоже пришлось несладко.

После жестокой смерти принцессы Корё её отец чуть ли не через день присылал государственные послания. В каждом письме, полном слёз, он требовал от императора Великой Ци отомстить за его несчастную дочь, предать жестокого убийцу лютой казни, чтобы почтить память бедной девушки.

Дунъинский генерал Сянъе тоже не сидел сложа руки. Он срочно отправил посланника, который заявил, что в деле о смерти принцессы Корё много неясного. Пока всё не выяснено, не стоит спешить с осуждением Сянъе Сюнфэя, основываясь лишь на словах корейцев, иначе это нанесёт ущерб отношениям между двумя странами и повлечёт пагубные последствия.

В Золотом зале посланники Корё и Дунъина препирались до хрипоты, едва не сцепившись, и оба, стоя на коленях, требовали от Сяо Цзина восстановить справедливость.

Столкнувшись с такой сложной ситуацией, Сяо Цзин чувствовал себя в тупике и инстинктивно взглянул на стоявшего рядом Гу Хуайцина. Тот ответил ему многозначительным взглядом.

Получив этот намёк, Сяо Цзин успокоился и произнёс:

— Господа посланники, успокойтесь. Это дело слишком важно, чтобы действовать опрометчиво. Оно поручено Гвардии в парчовых халатах и Восточной Ограде, и вскоре будет результат. Я заверяю вас: ни один невиновный не пострадает, и ни один преступник не избежит кары.

Слова Сяо Цзина звучали велеречиво, но при внимательном рассмотрении оказывались уклончивыми. Ни Корё, ни Дунъин не были довольны, но Сяо Цзин не дал им возможности возразить, зевнул и махнул рукой:

— Мы устали. Обсудим это в другой раз! Разойдитесь!

После аудиенции Гу Хуайцин не вернулся во дворец и не пошёл в Восточную Ограду, а направился прямо в резиденцию посольства Корё.

Сановник Чунлу Лю Юнхао, получив известие о его прибытии, не смел медлить и поспешил встретить.

— Господин Гу, какой ветер занёс вас сюда? — спросил он с подобострастной улыбкой.

— Я прибыл по велению Его Величества проведать вас, — с важным видом ответил Гу Хуайцин.
— Как вы поживаете?

— Благодарим Его Величество за заботу, всё у нас хорошо, — почтительно ответил Лю Юнхао.

Гу Хуайцин кивнул и спросил:

— Как здоровье командира Юаня?

— Благодаря стараниям императорских лекарей командир Юань идёт на поправку, уже может ходить. Остальные члены Гвардии Парящего Дракона, получившие лёгкие ранения, тоже в порядке.

— Это хорошо. Его Величество повелел передать вам целебные снадобья. Прошу, господин Лю, проводите меня к раненым.

Лю Юнхао повёл Гу Хуайцина во внутренний двор, где они увидели Юань Чэнминя, стоявшего в окружении двора и тихо беседовавшего со своим заместителем Сюань Бинем. Неожиданно увидев Гу Хуайцина, оба выразили удивление.

Юань Чэнминь выглядел значительно лучше, на лице появился румянец. Он был одет в белый воинский халат, но правый рукав болтался пустым.

Юань Чэнминь пригласил Гу Хуайцина в покои и велел подать чай.

Гу Хуайцин передал несколько приветственных слов и заботу императора, вручил Юань Чэнминю драгоценные лекарства, пожалованные государем. Тот поблагодарил за милость, но лицо его оставалось бесстрастным.

<http://bllate.org/book/16283/1466948>